

В.И. НОВИКОВ

У вечного огня

(О метафизике А.С. Пушкина)

Каждое поколение по-новому перечитывает классические тексты. "Возвращение к вечному" означает более глубокое погружение в настоящее, ибо в явлениях прошлого выделяются те черты, которые роднят его с сегодняшним днем. В свою очередь создается предпосылка для ответа на вопросы, мимо которых прошли исследователи, работавшие в иных исторических условиях.

Зачем писать о метафизике Пушкина? Временами кажется, что такая попытка может стать чем-то вроде погони за призраками. Великий поэт не был склонен к отвлеченным рассуждениям. На первый взгляд, его вовсе не волновали такие вопросы, как бытие природы и место человека в мире природы. Пушкин был прежде всего художником. В этом смысле он разительно отличался, допустим, от В. Гете. Гете-поэт - только один из ликов великого немца. Не менее велик и Гете-естествоиспытатель, и Гете-философ. Отчего же В. Одоевский писал, что "Пушкин был поэт в стихах и бенедиктинец в своем кабинете"? [1, с. 25] Возможно, ему следовало бы выразиться яснее: книжник, монах-ученый. С привычным для современного человека образом Пушкина это никак не вяжется. Но ведь и сам этот образ был сформирован временем.

В начале 1920-х годов В. Ходасевич писал о близком новом затмении "пушкинского солнца" (первое приходилось на эпоху писаревского "упразднения" Пушкина). Он объяснял, что "русским юношам" многое у Пушкина уже непонятно, ибо "они не всегда достаточно знакомы со всем окружением Пушкина... дух, стиль его эпохи им чужд" [2, с. 203]. С тех пор вновь утекло много воды. Личность Пушкина стала еще более туманной в перспективе двух столетий. Никому не придет в голову оспаривать, что великий поэт - ключевая фигура новой русской культуры. Но это утверждение рискует обратиться в обыкновенное общее место, если не будет подтверждено историко-культурными свидетельствами. Вывод очевиден: постигнуть Пушкина можно, только осознав специфику сформировавшей его эпохи.

Страсть к знаниям была унаследована Пушкиным от умственной атмосферы "столетия безумно и мудро", она была развита системой лицейского образования. Справедливыми представляются слова Г. Федотова, что Пушкин "всеми своими корнями ...уходит в XVIII век, который им заканчивается" [13, с. 357]. Но будучи последним гигантом прошедшего века, он одновременно открывает собой новую эпоху, передавая духовную эстафету будущему.

Пушкин был сыном александровского времени. Исторический период, в котором он сформировался как личность, все чаще именуется в современной историко-философской литературе эпохой "просвещенного мистицизма". Великий поэт эволюционировал вместе со временем по мере последовательного утверждения "трезвых жизненных идеалов". Однако полностью принять "пресное здравомыслие" он так и не пожелал.

Новиков Владимир Иванович - кандидат филологических наук, культуролог.

Парадоксы Пушкина

Последовательно перечитывая пушкинские стихотворения, открываешь неожиданную картину. Почти каждое второе стихотворение в той или иной степени соприкасается с проблемой смерти. Упорная сосредоточенность на этой проблеме многозначительна, ибо "существует связь между отношением человека к смерти и его самосознанием" [4, с. 495]. Покидая Лицей, семнадцатилетний поэт размышляет:

Душа полна невольной грустной думой;
Мне кажется: на жизненном пиру
Один с тоской явлюсь я, гость угрюмый,
Явлюсь на час - и одинок умру.

В августе 1836 года (за полгода до роковой дуэли) Пушкин, как бы предвидя место своего последнего успокоения, пишет:

Но как же любо мне
Осеннею порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое.
Там неукрашенным могилам есть простор;
К ним ночью темною не лезет бледный вор;
Близ камней вековых, покрытых желтым мохом,
Проходит селянин с молитвой и со вздохом;
На место праздных урн и мелких пирамид,
Безносых гениев, растрепанных харит
Стоит широко дуб над важными гробами,
Колеблясь и шумя...

"Вечные вопросы" человечества ставились великим поэтом в такой плоскости и разрешались в таком контексте, который сегодня уже трудно понимаем средним образованным читателем. Укоренилась привычка рассматривать Пушкина как рационалистически мыслящего поборника прогресса. Но тогда почему он противник просвещения? Разве из-под пера стойкого прогрессиста вылились бы такие строки:

Судьба людей повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж просвещение иль тиран.

"К морю", 1824

Пушкин полон противоречий. Европейски мыслящий и широко образованный художник, он в общем-то не интересовался Европой и не рвался туда (об этом свидетельствует П. Вяземский). Даже больше: Пушкин не упускал случая разразиться страстными инвективами в ее адрес, напоминая:

Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?

По словам М. Гершензона, "для Пушкина просвещение - смертельный яд, потому что оно дисциплинирует стихию в человеческом духе, ставя ее с помощью законов под контроль разума, тогда как в его глазах именно свобода этой стихии, ничем не стесненная, есть высшее благо" [5, с. 277]. "Рационалист" Пушкин спокойно готов расстаться с разумом, ибо тогда он обрел бы подлинное счастье. Как Аттис из гениального стихотворения Катулла, он восторженно отдается иррациональному безбрежному мятежу своего внутреннего Я. Пушкин "соблазнен безумием", подобно посвященному в темные мистерии Кибелы:

Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,

Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грез.
И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
В пустые небеса;
И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
Ломающий леса.

На протяжении всей жизни Пушкин испытывал мучительный, страстный интерес к провалам человеческого сознания. "Мальчики кровавые в глазах" мерещатся полубезумному Борису Годунову. Целый ряд программных произведений Пушкина построен на балансировании по краю иррационального, причем в конце концов главные герои преступают этот край. Таковы "Пиковая дама" и "Медный всадник". Знаменитое стихотворение "Бесы" является классическим описанием бреда застигнутого метелью ездока.

Очевидно, натурфилософию Пушкина вряд ли можно назвать рационалистической. Французские энциклопедисты, за исключением Вольтера, не вызывали у него большого интереса. Их материализм он почитал детским. В статье "Александр Радищев" Пушкин пишет о "пошлой и бесплодной" метафизике К. Гельвеция, о "политическом цинизме" Д. Дидро и Г. Рейналя. Необходимы ли еще свидетельства резкого неприятия великим поэтом их философии? Холодный едкий цинизм энциклопедистов убивал поэзию, ибо был направлен "противу господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов" [6].

Вернувшись из ссылки, Пушкин наблюдал, как апокалипсические настроения эпохи "просвещенного мистицизма" сменяются засилием "немецкой философии". Вслед за "герметическими искателями духовного света" следовали сначала любомудры, а затем молодые гегельянцы из круга Н. Станкевича и А. Герцена.

К новому умственному движению Пушкин относился резко отрицательно. Он полагал, что "немецкая философия" — чужеродный цветок на русской почве. Поэт не скрывал своего скепсиса по поводу "трансцендентального направления" органа любомудров "Московского вестника". Пушкин писал А. Дельвигу 2 марта 1827 года: «Ты пеняешь мне за "Московский вестник" - и за немецкую метафизику. Бог видит, как я ненавижу и презираю ее; да что делать? собрались ребята теплые, упрямые; поп свое, а черт свое. Я говорю: господа, охота вам из пустого в порожнее переливать - все это хорошо для немцев, пресыщенных уже положительными познаниями, но мы... - "Московский вестник" сидит в яме и спрашивает: веревка вещь какая?... А время вещь такая, которую с никаким "Вестником" не стану я терять» [7, с. 399]. В этом письме Пушкин вспоминает знаменитую басню И. Хемницера "Метафизик". Его нападки на любомудров удивляли современников. М. Погодин записал в своем дневнике 4 марта 1827 года, что Пушкин "декларировал против философии, а я не мог возражать дельно и больше молчал, хотя очень уверен в нелепости им говоренного" [8, с. 23]. Между Пушкиным и молодым поколением наметилось расхождение.

Быстрая смена умственного климата наложила печать двойственности на духовный облик Пушкина, каким он предстает в глазах потомков. Об этом писал Гершензон: "Пушкин был европеец по воспитанию и привычкам, образованный и светский человек XIX века. И всюду, где он высказывал свои сознательные мнения, мы узнаем в них просвещенный, рационально мыслящий ум. В идеях Пушкин - наш ровесник, плоть от плоти современной культуры. Но странно: творя, он точно преображается; в его знакомом, европейском лице проступают пыльные морщины Агасфера, из глаз смотрит тяжелая мудрость тысячелетий, словно он пережил все века и вынес из них уверенное знание о тайнах" [5, с. 8].

В словах Гершензона скрыто ставшее привычным противоречие между человеком и художником, объединенными в едином физическом облике (или, говоря мистическим слогом пушкинского времени, между "внешним" и "внутренним" человеком). В то же время исследователь имеет в виду исключительно пушкинскую философию

истории; именно она дает основание представить Пушкина поборником идей, считавшихся передовыми на протяжении всего прошлого века. О своих натурфилософских воззрениях великий поэт не оставил столь же откровенных свидетельств, как в эпистолярном обмене мнениями с Чаадаевым по поводу знаменитого "Философического письма". Расшифровать их возможно, лишь непосредственно обращаясь к пушкинским текстам.

О жизни и смерти

Метафизика Пушкина зиждется на его размышлениях о тайнах человеческого бытия, о жизни и смерти. С особой интенсивностью эти мысли обуревали (как это ни покажется странным) молодого поэта в период южной ссылки. В провинциальном уединении он стремился "в просвещении стать с веком наравне". Вместе с тем именно в это время Пушкин был наиболее близок с масонством и, следовательно, испытывал глубокий интерес к иррациональному. Вот характерный пример (из черновиков 1822 года):

Конечно, дух бессмертен мой,
Но, улетев в миры иные,
Ужели с ризой гробовой
Все чувства брошу я земные
И чужд мне будет мир земной?
Ужели там, где все блистает
Нетленной славой и красотой,
Где чистый пламень пожирает
Несовершенства бытия,
Минутной жизни впечатлений
Не сохранит душа моя,
Не буду ведать сожалений,
Тоску любви забуду я?
Любви! Но что же за могилой
Переживет еще меня?
Во мне бессмертна память милой.
Что без нее душа моя?
Зачем не верить вам, поэты?
Да, тени тайною толпой
От берегов печальной Леты
Слетаются на брег земной.
Они уныло посещают
Места, где жизнь была милей,
И в сновиденьях утешают
Сердца покинутых друзей...
Они, бессмертные вкушая,
В Элизий поджидают их,
Как в праздник ждет семья родная
Замедливших гостей своих...

Кому был склонен верить Пушкин? На память, прежде всего, приходит Э. Сведенборг. Знаменитый шведский теософ прославился не только своими общениями с духами, но и необычайно яркими повествованиями об этих беседах. Последнее объясняется еще и тем, что Швеция была протестантской страной. Протестантизм отрицал Чистилище; но категорический отказ сопровождался душевными муками. Видения Сведенборга были по-настоящему выстраданы, и это придавало им непреодолимое очарование. Влияние Сведенборга на европейскую культуру начала XIX века было столь же сильным, как влияние Г. Ибсена и А. Стриндберга в конце того же столетия. Достаточно привести слова О. Бальзака из письма Э. Ганской: "Сведенборг - моя религия" [9, с. 19]. Скандинавскому пророку он обязан своими "мистическими" повестями ("Луи Ламбер", "Серафита"). Другим примером могучего воздействия Сведенборга была поэзия У. Блейка.

Если молодой Пушкин произведений знаменитого шведа в тот период не читал, то он неизбежно остро ощущал их культурные отзвуки. Русский перевод "Луи Ламбера" имеется в его библиотеке.

По Сведенборгу, человек есть существо духовное. Он одарен мыслящей душой. Любой разумный человек понимает, что тело мыслить не может; оно просто инструмент души. Но это необходимый инструмент, посредством которого только и могут проявляться высшие способности человека. По смерти своей он переходит в мир духов, который представляет собой среднее состояние между Адом и Небесами. Здесь почти нет отличия от обывательской повседневности. Сведенборг пишет: "Все, сошедшие в мир духов, - друзья, приятели и знакомые по жизни своей во плоти — видятся, сходятся и беседуют, когда сами пожелают, особенно супруги, братья и сестры. Я видел там отца, беседовавшего с шестью сынами своими, которых он узнал, видел также много других в беседе с родными и друзьями, но как все они по духу своему в мирской жизни были различны, то вскоре и расстались" [10, с. 222]. Поэтому "всякий человек по духу своему уже в телесной жизни своей находится в сообществе духов, хотя и не ведает этого" [10, с. 227].

Свидетельств сведенборгианства Пушкина больше чем достаточно. В этом плане он не менялся на протяжении всей своей творческой жизни. Лицеист Пушкин прислушивался в царскосельских садах к грому "наполеоновской эпопеи" 1812 года. Первоначальные неудачи русского оружия навевали юноше мрачные мысли:

Идут - их силе нет препоны,
Все рушат, все свергают в прах,
И тени бледные погибших чад Беллоны,
В воздушных съединясь полках,
В могилу мрачную нисходят непрестанно
Иль бродят по лесам в безмолвии ночи...

"Воспоминания в Царском Селе", 1815

В центральном стихотворении лицейского периода "Городок" Пушкин вглядывается в "туманную даль" будущего:

Не весь я предан тленю;
С моей, быть может, тенью
Полунощной порой
Сын Феба молодой,
Мой правнук просвещенный,
Беседовать придет
И мною вдохновенный
На лире вздохнет.

У зрелого Пушкина подобных примеров множество. Вот некоторые хрестоматийные:

Под небом голубым страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконец, и верно надо мной
Младая тень уже летала.

Для Пушкина тень - нечто реальное, что можно любить, что приносит глубочайшие страдания:

О, если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые
И с неба ясные лучи
Скользят на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы, -
Я тень зову, я жду Леилы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

Но не только ушедшие возлюбленные волнуют поэта. Его мысль тревожат великие предшественники, с которыми он также стремится войти в общение:

Меж тем, как изумленный мир
На урну Байрона взирает,
И хору европейских лир
Близ Данте тень его внимает.
Зовет меня другая тень,
Давно без песен, без рыданий
С кровавой плахи в дни страданий
Сошедшая в могильну сень.
Певцу любви, дубрав и мира
Несу надгробные цветы.
Звучит неизвестная лира.
Пою. Мне внемлет он и ты.

"Андре Шенье", 1825

Гершензон подчеркивает, что собеседниками Пушкина являются давно погибший на гильотине Андре Шенье и здравствующий Н. Раевский, которому посвящена знаменитая элегия. Они оба его "души друзья"; они присутствуют рядом с ним.

О своем покойном сердечном друге Дельвиге Пушкин пишет, что он

...в толпу теней родных
Давно от нас ушедший гений.

Пушкин видел, что в момент смерти человек раздваивается; материальное тело становится трупом, нематериальная субстанция - тенью. Она вместе с телом обитает в гробу, однако может свободно покидать его. Тень сохраняет как внешний облик, так и духовный строй почившего. Недаром Пушкин неоднократно упоминает о "юных призраках", о "младых тенях". У тени те же чувства, что были у живого человека; она видит, слышит, любит, страдает. Мир живущих сохраняет для нее свою притягательность. Пушкин многократно пишет о "летающей тени", постоянно посещающей дорогих людей; причем она может быть то невидимой, то зримой. Поэтические образы Пушкина столь впечатляющи, что подчас представляются его прямыми свидетельствами общения с тенями; кажется, что он, подобно Сведенборгу, наделен даром духовидца.

Ничего подобного нельзя найти у поэтических учителей Пушкина. Ни В. Жуковский, ни К. Батюшков не осмеливались дерзко заглянуть в тайны потустороннего мира. Он кажется им гораздо более простым, чем Пушкину. В элегии "На кончину ее величества королевы Вюртембергской" Жуковский пишет:

Об ней навек земное замолчало;
Небесному она передана;
Задержнулось за нею покрывало...
В божественном святилище она.
Незрима нам, но видя нас оттоле
Безмолвствует при жертвенном престоле.

Жуковскому даже не приходит в голову, что почившая может посетить его по своей прихоти. Поэт уверен, что она навеки разлучена с живыми.

Нечто похожее и у Батюшкова. Специально рассматривавший эту проблему Гершензон приходит к выводу: «Картины загробной жизни, которые он (Батюшков. - В.Н.) не раз рисует... - шаблон французской поэзии XVIII века, всегда легкая поэтическая игра, никогда не дело. Даже тогда, когда он единственный раз хотел серьезно обработать такой сюжет, где он изображает, как Пушкин, явление тени живому, - в стихотворении "Тень друга" - он сразу и заранее снимает с явления всю конкретность словами: "То был ли сон!"... У Пушкина выстраданная глубокая мысль о загробной жизни, и там, где он рисует тень, - ни с чем несравнимая категоричность» [5, с. 197, 198].

Картина загробной жизни у Пушкина не совпадает с ортодоксальными православными представлениями. По этим представлениям, после смерти тела душа присоединяется либо к сонму ангелов света, либо к полчищам падших ангелов (в зависимости от праведности или греховности земной жизни). Ни о каком промежуточном существовании духов не может быть и речи. Отрицание Чистилища как средней области между Адом и Раем стало принципиальным моментом (наряду с пресловутым *filioque*, т.е. непризнанием нисхождения Святого Духа не только от Отца, но и от Сына), разделившим христианство на западное и восточное. Любую попытку общения с духами православная церковь приравнивала к волхованию. Отсюда понятно ее резко негативное отношение, например, к спиритизму. Однако в эпоху "просвещенного мистицизма" духовидчество не казалось чем-то из ряда вон выходящим. Пушкин-сведенборгианец был дитя своей эпохи.

Вечный огонь

Разгадка "тайны Пушкина" является одновременно постижением его времени. Оно представляется значительно менее понятным, чем даже более отдаленные исторические периоды. Русский XVIII век гораздо более изучен и запротоколирован, чем "александровская пора". Но нечто подобное можно сказать о любой переходной эпохе, когда новые веяния накладываются на старые и преобразуют их порой до неузнаваемости. Но уже через поколение духовный климат резко меняется, и недавнее прошлое начинает рассматриваться через призму настоящего. Своеобразие недавнего прошлого стирается. Оно сливается с настоящим. Именно так произошло с пушкинской эпохой. "Позитивистская положительность" XIX века словно продолжилась в обратном направлении. Между тем в начале столетия складывались только ее предпосылки; черты уходящего XVIII века были гораздо более жизненны и ощутимы. Лишь очень медленно они ветшали и стирались, уступая место новому. Характер пушкинской эпохи определялся именно этим подспудным противоборством диалектически отрицающих друг друга духовных начал прошлого и наступившего века.

Только приняв во внимание все вышесказанное можно постигнуть истоки натурфилософии великого русского поэта. Необычность этой проблемы привела к тому, что она старательно обходилась в многочисленных пушкиноведческих штудиях. Единственно Гершензон сделал попытку осветить ее. Он справедливо писал: "У Пушкина, как у всякого человека, была своя метафизика, т.е. целостное представление о строе и закономерности Вселенной: без такой "основы" невозможно даже просто мысленное существование, тем более - творчество" [11, с. 20]. Действительно, любое созидание опирается на устойчивый философский фундамент.

Гершензон убедительно доказывает, что Пушкин представлял абсолютное бытие как огонь. "Он мыслил жизнь как горение, смерть - как угасание огня" [11, с. 21].

Я видел смерть; она в молчанье села
У мирного порога моего;
Я видел фоб; открылась дверь его;
Душа, померкнув, охладела...
Покину скоро я друзей,
И жизни горестной моей
Никто следов уж не приметит;
Последний взор моих очей
Луча бессмертия не встретит,
И погасающий светильник юных дней
Ничтожества спокойный моак осветит.

"Элегия", 1816

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминая величавы:
Там угасал Наполеон.

"К морю", 1824

Ты угасал, богач молодой!
Ты слышал плач друзей печальных.
Уж смерть являлась за тобой
В дверях сеней твоих хрустальных.
Она, как втершийся с утра
Заимодавец терпеливый,
Торча в передней молчаливой
Не трогалась с ковра.

"На выздоровление Лукулла", 1835

Напряженность душевной жизни (разность душ) поэт различает по степеням интенсивности этого горения. В молодости оно — бурное пламя, которое затем с годами ослабевает, и к старости уже подступает холод вплоть до окончательного застухания.

Пылает сердце старика,
Окаменелое годами.
Упорно, медленно оно
В огне страстей раскалено:
Но поздний жар уж не остынет
И с жизнью лишь его покинет.

"Полтава", 1829

Следует отметить, что "огонь" и "солнце" у Пушкина часто выступают как синонимы. «Он полагает "солнце", т.е. огонь, - другими словами, абсолютную динамику человеческого духа, - единственным источником истинного познания, равно - поэтического и философского» [11, с. 85].

Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари.
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

(Гаснущая лампада, олицетворяющая ложную мудрость, - луна, льющая холодный ночной свет.)

Метафизику Пушкина Гершензон определяет как термодинамическую. Надо отметить, что его интерпретация не нашла поддержки. Даже Ходасевич, отдавая должное Гершензону как историку, полагал, что все-таки он "оказался человеком слишком иного уклада, нежели сам Пушкин" [2, с. 202]. Известная статья Ходасевича "Колеблемый треножник" является своего рода ответом Гершензону.

Пытаясь разгадать "тайну Пушкина", Гершензон обращает взор к досократикам. По его мнению, метафизика великого русского поэта повторяет в общих чертах метафизику Гераклита. Однако встает вопрос: где искать связующие нити между античным мыслителем и Пушкиным? Ведь наверняка о Гераклите он имел смутное понятие. Даже имени эфесского мудреца Пушкин никогда не упоминает. Очевидно, что найти ответ можно только в эзотерической философии эпохи "просвещенного мистицизма".

В поле зрения прежде всего попадает масонство. Но сразу же следует оговориться. Натурфилософия русских "вольных каменщиков" мало изучена. Это объясняется прежде всего тем, что внимание исследователей сосредоточивалось на этических проблемах, ибо они представлялись главными в понимании "братьями" мира и природы. Действительно, "натура выступает в масонском мировоззрении не просто как макрокосм, а как макроантропос, как нечто зависимое и определяемое конечными путями и целями развития человека" [12, с. 152]. Другими словами, закономерности человеческого бытия распространяются и на природу, ибо человек - высшее из

творений Божиих и соответственно "экстракт всех вещей". Сами масоны также не уделяли большого внимания чисто натурфилософским проблемам. Их восприятие природы подчас выражается всего лишь беглыми намеками; расшифровать эти намеки возможно, опираясь на труды предшественников "вольных каменщиков", признаваемых ими самими за авторитеты.

Анонимный русский автор-масон пишет [13], что душа человека - "магический огонь из Натуры Бога Отца" [12, с. 147]. Это прямо соотносится с алхимическими воззрениями, по которым огонь наравне с водой представляют собой основные жизненные субстанции. К. Юнг часто приводит апокрифические слова Христа (из сочинений Оригена): "Кто возле меня, тот возле огня". Он разъясняет, что "эзотерический Христос есть источник огня" [14, с. 141]. Широко известна масонская метафора, уподобляющая душу человека неотесанному камню. Но в такой связи следует задуматься над приводимыми Юнгом речениями из издания 1593 года Rosarium Philosophorum: "*Lapis noster hic est ignis ex igne creatus et in ignem vertitur, et anima eius in igne moratur.* (Этот наш камень есть огонь, созданный из огня, и он превращается в огонь, его душа обитает в огне)"; "*Item lapis noster, hoc est ignis ampulla, ex igne creatus est, et in eum vertitur.* (Итак, наш камень, то есть сосуд с огнем, создается из огня и опять превращается в него)" [14, с. 481]. Очевидно, что "вечный огонь" Гераклита пришел к Пушкину через масонские штудии.

"Московские розенкрейцеры" уделяли большое внимание алхимии. Об этом свидетельствует значительное число алхимических книг, изданных Н. Новиковым. Правда, он сам писал в своих показаниях, что "московские розенкрейцеры" сделали в этом направлении только первые шаги. Практических лабораторий они не создавали, довольствуясь лишь умозрительными опытами. Однако, по мысли Юнга, предмет алхимии не исследование природы. Это сфера психологии и философии. Для алхимика основное значение имеет психологический настрой, сопровождающий его действия. Другими словами, алхимия - один из способов мировосприятия. Именно так ее понимали русские масоны. Скорее всего, Пушкин алхимических трудов не читал. Но носившиеся в атмосфере "просвещенного мистицизма" отзвуки розенкрейцера не могли не произвести на склонного ко всему таинственному поэта глубокого впечатления. Загадочная фигура алхимика волновала поэта. Свидетельством является Бертольд Шварц из "Сцен из рыцарских времен".

Встает новый вопрос: какое точное содержание Пушкин вкладывал в понятие "огонь"? Не было ли это чистой метафорой? Действительно, такие выражения, как "горящая мысль" или "пламенная любовь", не воспринимаются в смысле реального физического огня. Пушкин не делает различия между вещью и символом. Впрочем, такого различия не делал и Гераклит; высокая метафоричность его философских построений - источник постоянного интереса потомков к эфесскому мудрецу. "Огонь" у Пушкина всегда и конкретен и метафоричен. Он, с одной стороны, настоящее пламя, с другой - абсолютное движение, в котором пребывает все живое. По Пушкину, движение есть жизнь; следовательно, движение есть Гераклитов "вечно живой огонь". Достаточно вспомнить пушкинское переложение "Песнь песней":

В крови горит огонь желанья.
Душа тобой уязвлена.
Лобзай меня; твои лобзанья
Мне слаще мира и вина.

Кстати, пушкинское переложение близко к библейскому тексту за одним исключением: ни о каком "огне в крови" в Библии не говорится.

К числу метафизических проблем принадлежит проблема движения. Пушкин постоянно обращался к ней в своем поэтическом творчестве. Об этом писал П. Бицилли: «Я не знаю поэта, который бы пользовался образом бегущей воды так часто, как Пушкин... Его светила всегда движутся... Все предметы рассматриваются *sub specie*

движения - возникновения их или заключенного в них потенциального роста... Всего чаще им владеет представление быстрых, стремительных движений... Один из его излюбленных образов-символов - корабль, представитель быстрого и вместе легкого, скользящего движения... Шаблонный символ дороги как "жизненного пути" приобретает у него особенную глубину и содержательность... Вся жизнь - космическая, личная и социальная - воспринимается как сплошной процесс...» [15, с. 65-224].

Пятое стихотворение из цикла "Подражания Корану" начинается стихами:

Земля недвижна - неба своды.
Творец, поддержаны тобой.
Да не падут на сушь и воды
И не подавят нас собой.

Пушкин достаточно точно передает соответствующий текст прозаического перевода Корана, выполненный М. Вережкиным (издан в 1790 году). Надо отметить, что Вережкин арабского языка не знал и работал с французским переводом. Он позволил себе большие новации, в результате которых Коран звучал совершенно по-библейски. Его вполне можно было поставить рядом с пророческими книгами Ветхого завета. У Пушкина сохранена эта специфика.

Священная книга мусульман утверждает неподвижность всего сущего. Русский поэт с этим категорически не согласен. Он делает примечание: "Плохая физика; но зато **какая** смелая поэзия!" Шестикрылый Серафим открывает Пророку тайны мироздания; картина совершенно противоположная.

И внял я неба содроганье,
И горный ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.

В Коране "плохая физика" не только потому, что она противоречит гелиоцентрической теории Коперника, но и философскому постулату о том, что все пребывает в вечном движении.

Через несколько месяцев после "Подражаний Корану" Пушкин создает небольшое стихотворение "Движение", уже непосредственно посвященное этой проблеме. Он отнес свой лаконичный опус к античному жанру эпиграммы:

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы но мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.

В своей эпиграмме Пушкин передает популярный анекдот об остроумном способе возражения киника Диогена (или, скорее, Антисфена) элеату Зенону, прославившемуся своими пятью апориями (затруднениями), смысл которых сводится к утверждению, что существующее неподвижно. Непосредственным источником вдохновения Пушкина был знаменитый философский "Исторический и критический словарь" П. Бейля. Но характерно, что Пушкин прибегает к авторитету гелиоцентрической теории (чего нет у Бейля), хотя для него очевидно, что в обыденной жизни такой аргумент мало убедителен. Об этом свидетельствует небольшая заметка по-французски, сделанная поэтом на обороте стихотворения "Все в жертву памяти твоей...": *"On a admire le [Phi(losophe)] Cynique qui marcha devant celui qui niant le mouvement - le soleil fait tous les jours la meme chose que Diog(ene) mais ne persuade personne"* ("Превозносили [Фил(ософа)] Циника, который начал ходить перед тем, кто отрицал движение. Солнце поступает так же, как Диоген, но никого не убеждает" [1, с. 701.

Пушкина всеобщее движение самоочевидно. В одном из своих итоговых стихотворений, посвященном очередной лицейской годовщине 1836 года, он пишет:

Вращается весь мир вокруг человека, -
Ужель один недвижим будет он?

Источником вечного движения (по глубокому убеждению Пушкина) является солнце - негаснущий животворящий огонь.

Итак, по своему мирозерцанию Пушкин - монист. Бытие представляется ему различными превращениями и видоизменениями вечного движущегося огня. Такова и душа человека. Но, мысля последовательно, Пушкин волей-неволей должен был прийти к выводу, что "если душа есть по существу движение-огонь, то в своих проявлениях она неминуемо осуществляет закономерные состояния вещества, т.е. душевные процессы облекаются в одну из трех форм вещества, либо в газообразную, либо в жидкую, либо в твердую" [11, с. 64]. По Гераклиту, "душа пронизана единством и борьбой противоположностей - ...огненного и влажного элементов" [16, с. 133]. У Пушкина постоянны выражения: "душа стремится ввысь", "душа летает", "мечта воздушная". Это газообразная фаза. Но когда Пушкин пишет, что "душа кипит", он явно представляет себе ее жидкую фазу; причем именно тогда достигается наибольшая интенсивность духовной жизни. Последней фазой является затвердевание; охваченная холодом душа превращается в камень. Об этом Пушкин пишет, например, в "Евгении Онегине":

Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь
И, наконец, окаменеть.

Все вышесказанное можно трактовать как вылившийся из-под пера Пушкина перевод основных алхимических воззрений на язык XIX века. (Правда, точнее было бы сказать: розенкрейцеровских.) Суть их раскрывает Юнг: "Алхимические философы ясно представляли свою *aqua nostra* как *ignis* (огонь). Источник символизирует не только течение жизни, но и ее теплоту, ее жар, секрет страсти, синонимом которой всегда является огненность. Всерастворяющая *aqua nostra* - важнейший ингредиент в производстве *lapis*. Но источник находится под землей, и, следовательно, путь ведет вниз: только внизу мы можем найти огненный источник жизни. Эти глубины составляют естественное прошлое человека, его причинную связь с миром инстинктов. До тех пор пока эта связь не будет обнаружена, ни *lapis*, ни Самость не могут прийти в бытие [статье сущими]" [14, с. 141]. Интересно сравнить с приведенным пассажем стихотворение Пушкина "Три ключа"; его философский контекст становится понятным.

В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключ юности, ключ быстрый и мятежный,
Кипит, бежит, сверкая и журча.
Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит.
Последний ключ - холодный ключ забвенья.
Он слаще всех жар сердца утолит.

Анализируя специфику творческого мышления Пушкина, Ю. Лотман полагает, что оно отливается "в трехчленную парадигму, первую, вторую и третью позиции которой занимали сложные и многоаспектные символические образы, конкретное содержание которых раскрывалось лишь в их взаимном отношении при реализации парадигмы в том или ином тексте" [17, с. 447]. Некоторые из выделенных Лотманом парадигм звучат совершенно по-массонски. Такова "чисто мифологическая проекция: вода (= огонь) - обработанный металл или камень - человек" [17, с. 450]. Исследователь разъясняет: «Второй член, например, может получать истолкования: культура,

ratio, власть, город, законы истории. Тогда первый компонент будет трансформироваться в понятия "природа", "бессодержательная стихия"... Однако ни одна из этих возможностей никогда у Пушкина не выступает как единственная. Парадигма дана во всех своих потенциально возможных проявлениях. И именно несовместимость этих проявлений друг с другом придает образам глубину незаконченности, возможность отвечать не только на вопросы современников Пушкина, но и на будущие вопросы потомков» [17, с. 450]. Духовный мир русского поэта много сложнее, чем у античных досократиков, алхимических философов средневековья и розенкрейцеров, порожденных эпохой барокко.

* * *

Пушкин был сыном своего времени. Воспитанный в духовной атмосфере "просвещенного мистицизма", он до конца своих дней не отрешился от "впечатлений молодости". Впрочем, Пушкин, скорее всего, и не стремился к этому, ибо "заметы юности" казались ему гораздо более поэтическими, чем сухой практицизм и трезвый позитивизм наступающего "денежного века". Здесь разгадка столь необычного на современный взгляд мировосприятия Пушкина. Также понятно, почему многочисленные исследователи старательно обходили проблему пушкинской метафизики. Они - неколебимые прогрессисты — даже не могли позволить себе помыслить, что великий поэт разделял столь сомнительные "умственные заблуждения". Маститому академику А. Пыпину, например, алхимические интересы розенкрейцеров казались откровенным шарлатанством, или, сказать резче, обскурантизмом. Академик М. Алексеев в специальной работе "Пушкин и наука его времени" ограничивается многочисленными примерами постоянного интереса поэта к естественным наукам, старательно обходя мировоззренческие аспекты. Рядом со своими сверстниками шеллингианцами Е. Баратынским и Д. Веневитиновым Пушкин представляется принадлежащим к другому - раннему - поколению. Но было бы ошибкой тесно связывать его с каким-нибудь определенным из "мистических толков" александровского времени. Сравнивая Пушкина с великими современниками (Дж. Байроном, А. Мицкевичем), В. Соловьев справедливо пишет: "Пушкин остается поэтом по преимуществу, более беспримесным, - чем все прочие, - выразителем чистой поэзии" [18, с. 44]. Именно поэтому он "охотно раскрывал двери поэзии для стихии фантастической, в которой он, как и все великие поэты без исключения, чуял реальную основу" [18, с. 59]. Эзотерика, с которой Пушкин близко соприкасался в отрочестве и юности, навсегда осталась для него более эстетической и привлекательной, чем любые новейшие философские умствования, вникать в которые у него, вообще-то, и не было большой охоты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев М.Л. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984.
2. Ходасевич В.Ф. Колеблемый треножник. М., 1991.
3. Федотов Г.П. Певец империи и свободы // Пушкин в русской философской критике. М., 1990.
4. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.
5. Гершензон М.О. Мудрость Пушкина. Томск, 1997.
6. Пушкин А.С. О ничтожестве литературы русской // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 7. Л., 1978.
7. Переписка А.С. Пушкина. Т. 1. М., 1982.
8. Погдин М.П. Из "Дневника" // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1985.
9. Гуревич Л. Загадки Бальзака // Бальзак О. Серафита. М., 1996.
10. Сведенборг Э. О небесах, о мире духов и об аде. Киев, 1993.
11. Гершензон О.М. Гольфстрем // Лики культуры. Альманах. Т. 1. М., 1995.
12. Аржанухин С.В. Философские взгляды русского масонства. Екатеринбург, 1995.

13. Размышления о науке масонской // *Магазин свободнокаменщический*. Т. 1, ч. 2.
14. *Юнг К.Г.* Психология и алхимия. М, 1997.
15. *Биццлли П.М.* Этюды о русской поэзии. Прага, 1926.
16. *Кессиди Ф.Х.* Гераклит. М., 1982.
17. *Лотман Ю.М.* Замысел стихотворения о последнем дне Помпеи // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. Т. 2. Таллинн, 1992.
18. *Соловьев В.С.* Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // *Пушкин в русской философской критике*. М., 1990.

© В. Новиков, 1998